

The background of the poster is a cinematic illustration of a man and a woman in a European-style city street at night. The man, on the left, is wearing a dark trench coat and has a serious expression. He is holding a bright, glowing orange and yellow energy sphere in his right hand, with several jagged energy bolts radiating from it. The woman, on the right, has long, dark, wavy hair and is wearing a dark, low-cut dress. She is looking directly at the camera with a calm but intense expression. The street is narrow, with stone walls and a single lit street lamp on the right, casting a warm glow. The overall tone is dramatic and action-oriented.

АЛЬБЕРТ ВЕРХОВЕН

НЕБО
ИМПЕРИИ

ПИЛОТ «ВАЛЬКИРИИ»

18+

Альберт Верховен

**Небо Империи.
Пилот "Валькирии"**

«Автор»

2026

Верховен А.

Небо Империи. Пилот "Валькирии" / А. Верховен — «Автор»,
2026

Российская Империя, начало XX века. Магия и технический прогресс. Аристократические рода, сословное общество. Авиация развивается иначе: в небе безраздельно господствуют дирижабли. Погибший боевой пилот ВКС России попадает в тело наследника угасающего рода и обретает Магический Дар. Рядом две горячие девушки, которые очень нравятся ему, но терпеть не могут друг друга. Филипу предстоит: остановить кровавых убийц, узнать тайну своего происхождения, разобраться с девушками и стать пилотом боевого дирижабля. "Что?! После СУ-35 пересесть на допотопный аэростат? Хм... А знаете, в этом есть драйв!" С таким Магическим Даром одна дорога: в Имперскую Академию Воздухоплавания. Вот только едва ли молодые аристократы обрадуются выскочке из захолустья. "Все против нас, только ветер навстречу!"

© Верховен А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25

Альберт Верховен

Небо Империи. Пилот "Валькирии"

Пролог

Ночная дорога стелилась в желтоватом свете фар, на короткие мгновения выхватывая из темноты то мрачную стену леса, то пологий овраг, поросший редким кустарником. Мягко шуршащий покрышками автомобиль равномерно покачивался, убаюкивая маленького пассажира.

Долгий, утомительный день, ранний подъём, поездка на машине и ожидание перед огромным, немного пугающим мальчика кабинетом. Общение с незнакомыми взрослыми людьми в белых халатах, которых мама назвала «маго-техниками». Они задавали вопросы, а когда мальчик рассказал о своём умении, захотели на это посмотреть.

Его просили, используя свой Дар, заставить разноцветные воздушные шарики подняться вверх. А за каждый, успешно поднятый шарик, обещали дать шоколадную конфету.

Как же сильно все удивились, когда он заставил сразу несколько шаров быстро взлететь и упереться в потолок. Взрослые его хвалили и дали целую дюжину конфет.

Эти игры и прочая суeta, которую они называли «подтверждение Магического Дара», сильно вымотали мальчика. Он устало прикрыл глаза, устроился поудобнее, обнимая любимого плюшевого мишку, и заснул на широком, мягком заднем сидении. Много ли надо семи-летнему ребёнку?

Неожиданно по кузову словно застучал град камней. Мелким дождём посыпались внутрь осколки стекла, расцарапав ему кожу в нескольких местах. Мальчик закричал спросонья, растерянно размазывая ладошками кровь по лицу.

Машина вильнула, не удержавшись на дороге, скатилась в овраг и перевернулась набок, оставляя чёрные борозды содранного дёрна.

– Мама... – пролепетал мальчик, испуганно глядя, как окровавленная женщина, зажата на водительском сидении, пытается к нему повернуться.

– Филип... беги... – прохрипела она.

Снаружи раздаются быстрые шаги, хлопок, яркая вспышка, и она, с простреленной головой, обмякает, заваливаясь на руль.

В короткое мгновение выстрела мальчик успел увидеть убийцу матери, сквозь лобовое стекло. Это мужчина в плаще и шляпе, а с ним молодая светловолосая женщина.

– Sie ist tot. * – раздался в темноте её голос.

– Mach den Jungen fertig! ** – приказал мужчина.

Ещё одна вспышка. Женская рука с пистолетом, направленным в заднее окно автомобиля. Громкий выстрел, короткий детский крик и капельки алой крови забрызгали глупую, улыбающуюся мордочку плюшевого медведя.

* Она мертва (нем.)

** Прикончи мальчика (нем.)

Глава 1

Я проснулся, вскрикнув от ужаса, но быстро пришёл в себя, уселся в постели и потёр руками лицо.

Вновь одно и то же: ночная дорога, выстрелы, перевёрнутый автомобиль, отрывистая немецкая речь и плюшевый медведь с окровавленной мордочкой...

«Ну сколько можно? Почти десять лет прошло, а этот сон каждый раз пугает меня как ребёнка!»

Да, почти десять лет назад я, Алексей Гранцов, офицер, военный лётчик ВКС России, погиб на боевом задании. Мой СУ-35 был сбит ПВО противника, а система катапультирования оказалась повреждена.

Помню только писк зуммеров предупреждения бортовых систем, ослепительную вспышку, и как сваливается в штопор потерявшая управление крылатая машина. А через несколько мгновений – удар о землю и тьма.

Сколько бы я впоследствии ни думал, совершенно не понимаю, что тому причиной. Божье провидение, коварный замысел безумного учёного или жестокая демоническая шутка, но я не умер, а оказался здесь – в теле семилетнего ребёнка, в другой реальности и времени. Реальность эта хоть и похожа на мою прежнюю, но во многом всё-таки иная.

В этом мире нет Российской Федерации, здесь процветает огромное, мощное государство – Российская Империя.

И время другое: на сотню с лишним лет отставание от моего прежнего, привычного мира, первой четверти двадцать первого века.

Здесь примерно начало двадцатого века, где-то перед Первой мировой войной. А ещё, в этом удивительном мире есть Магия, но о ней позже.

Так вот: после гибели внезапно осознал себя лежащим в перевёрнутом автомобиле, в теле истекающего кровью мальчишки с простреленной грудью. Думаю, мальчик в тот момент умер, но мне досталась большая часть его памяти.

То, что меня смогли спасти, иначе как чудом и не назвать – просто стечение обстоятельств. Нужные люди оказались в нужное время в нужном месте и вот: я живой и уже совершенно здоровый, восемнадцатилетний юноша.

Одна из сильнейших лекарок Империи проезжала мимо в ту ночь буквально через несколько минут после трагедии. В её кортеже заметили перевёрнутую машину, нашли застреленную женщину и отходящего следом за ней мальчишку.

Видимо, седая, сухонькая магесса пожалела ребёнка и едва ли не за уши вытащила меня из-за последней черты. Потом отправила выздоравливать в ближайшую лечебницу.

Иначе как чистым альтруизмом её поступок не назвать – подобные манипуляции стоят просто баснословных денег. Да ещё и специалистов такого уровня меньше, чем пальцев на руке, во всей Империи.

После смерти матери единственной роднёй оказался дядька – Сумароков Константин Кириллович, ставший моим опекуном.

Отставной майор воздушных войск Империи, командир крейсерского дирижабля, покинувший службу из-за увечья. Однажды после вражеской диверсии, он до конца боролся за живучесть воздушного корабля, лично спас нескольких членов экипажа, но потерял часть стопы левой ноги.

Надо признать, отправляя героя в отставку, император не поскупился: Орден святой Анны третьей степени, полное пенсионное обеспечение и большое имение в Крыму. Правда, не около моря, а в двадцати верстах, в степной части полуострова. Так что дядюшка вышел на пенсию хоть и не богачом, но вполне себе обеспеченным помещиком.

К тому же, уходя на покой и благодаря большому уважению у армейского командования и коллег, он сумел выкупить списанный дирижабль класса «Стриж» – самый маленький и шустрый в имперской армии. Всё свободное время отставной аэронавт посвящал его восстановлению и модернизации.

Мне тогда исполнилось десять лет, и, конечно, я хвостиком ходил за ним следом. Задавал миллион вопросов, а стоило на миг отвернуться – куда-то утаскивал ключи, ронял и терял болты и гайки, излазил всё внутри вдоль и поперёк. Короче – всячески «помогал» дяде, пока у него хватало терпения не прогнать несносного, чумазого почемучку.

Первые несколько лет новой жизни были очень тяжёлыми, иногда, казалось — я схожу с ума. Остатки чужого детского сознания не сразу покинули меня, смешавшись с моим собственным, заставляя порой вести себя как ребёнок.

К тому же детское тело для взрослого человека — это, скажу я вам, далеко не подарок. Проблемы с речью и координацией — только верхушка айсберга.

Моя память и сознание поначалу тоже проявлялись фрагментарно, как и память «донора». Я не помнил некоторые части прежней жизни, порой не понимал очевидных вещей, для жителей этого мира.

Прошло несколько лет, пока всё устаканилось. Моё сознание окончательно вытеснило остатки детского, поглотило его память и свыклось, наконец, со своим положением и окружающей реальностью.

А ещё через несколько лет я вступил в не менее сложную для юного организма жизненную пору — взросление, со всеми сопутствующими прелестями...

Поток мыслей и воспоминаний внезапно прерывает осторожный стук в дверь и, не дожидаясь ответа, в спальню проскальзывает шустрая, симпатичная брюнетка — моя школьная подруга, Кира Картулина.

Точнее — эта хваткая и очень энергичная девушка с малых лет считает меня своей собственностью и пытается помыкать мною, но не слишком успешно.

Дядя Константин — старый друг её отца, они частенько гостят у нас в имении.

— Фил, хватит спать, договорились же! — возмущённо шепчет девушка и, ничуть не стесняясь, разглядывает меня, сидящего в кровати с голым торсом.

— Они уже уgomонились? И давай-ка отвернись, бесстыдница, — тщетно взываю к её совести.

Девушка закатывает глаза и нехотя отворачивается.

— Да, папенька с дядей Константином храпят, как ваш буланный мерин-водовоз, я под дверями подслушала. После четверти хлебной, распитой на двоих за ужином, еле-еле по комнатам разошлись. — Хихикнула бестия, украдкой поворачивая голову и подглядывая за тем, как я одеваюсь. — Экономка со стола убрала и к себе отправилась. Во всём имении, одни мы с тобой бодрствуем.

— Не подглядывай!

— Цк! Чего я там не видела? — Цыкнув для убедительности, она отвечает тоном утомлённой жизнью женщины.

— Кира, — не удержавшись, добавляю в голос толику ехидства, — могу поспорить: ты ничего не видела не только «там», но и где бы то ни было вообще...

– Придурок! – раздаётся обиженное сопение в полумраке, удачно прикрывающем покрасневшие девичьи щёчки.

На самом деле я совершенно её не стесняюсь. Тридцатилетнего мужика, военного, имеющего богатый боевой и жизненный опыт, даже в теле юноши, сложно смутить какой-то едва созревшей, хоть и получившей недавно совершеннолетие соплюшке.

А вот играть с ней, мне очень нравится. Позволить распушить хвост, надуться от собственной важности и вдруг, внезапно, осадить юную нахалку, одной меткой фразой вернуть с небес на землю.

Куда тяжелее противиться настойчивым требованиям бушующих гормонов молодого тела. Усмирять бесконечные порывы – залезть под каждую юбку – помогает зрелый ум и железная воля взрослого мужчины. Хотя нужно честно признаться: иной раз такое отчебучишь, что потом сам себе удивляешься – как подобная дичь в голову пришла, и главное – зачем?

Пробираемся в дальнюю часть усадьбы, где за высокой оградой располагается лётное поле. Ориентир – причальная мачта, подсвеченная сигнальной лампой на самом верху.

Держу Киру за руку, чтобы не споткнулась и не упала в темноте. Хорошо, что небо ясное, свет бесчисленных звёзд помогает находить дорогу.

Дед Панкрат посапывает в будке сторожа перед входом, сидя за столом, положив седую голову на натруженные, мозолистые руки. Рядом стоит почти пустая бутылка с мутным содержимым на донышке.

«Слава Богу, тут всё без неожиданностей, дед надёжен, как швейцарский банк! – саркастично подумал я. — Стабильность – признак мастерства»

Бежим вокруг огромного, высоченного ангара. Без промедления на ходу вынимаю нужный ключ. Щелчок замка и, хорошо смазанные ворота, бесшумно раскрывают громадную тёмную пасть.

«Ох! – позади слышится трепетный девичий взлас: восторг пополам с испугом. — Какой же он, всё-таки большой...»

Хотел было поддеть Киру и отпустить фривольную шутку, но передумал — сейчас это лишнее. Да и времени на препирательства нет, после взлёта поболтаем.

Для непосвящённого наша малышка кажется огромной. Диаметр наружного корпуса девять метров, длина – 36. На самом деле, это совсем небольшой размер для дирижабля. Точнее – самый маленький в действующей Имперской армии на нынешний момент.

Гондола тоже невелика — рассчитана лишь на шестерых членов экипажа со всем необходимым оборудованием. Дополнительно можно подвесить две бомбы по сто пятьдесят килограмм.

Наши с дядюшкой манипуляции и рационализации прилично увеличили полезную нагрузку, максимальную высоту и скорость. Недавно в качестве эксперимента мы с ним вдвоём и тонной груза поднимались чуть выше трёх тысяч метров. Больше не пробовали — не было нужды.

Ну и скорость смогли нарастить. Из двух силовых машин по восемьдесят кобыл каждая выжали чуть более ста двадцати километров в час. Правда, совсем порожняком – только мы двое и натошак, хе-хе.

– Хватит любоваться, комар в рот залетит! Бери правый трос, я левый и побежали! – приказал задравшей голову вверх и приоткрывшей от восхищения ротик Кире.

Мы почти синхронно подхватили тросы, намотанные на катушки с двух сторон ворот, и побежали вперёд метров на сорок к специальным бетонным тумбам. Закрепили их и рванули обратно.

Аэростат неподвижно висит посреди ангара, сдерживаемый хитрой системой тросов, работающей лично мной. Идея состояла в том, чтобы при необходимости управлять воздуш-

ным судном мог даже один человек. И самое главное: смог в одиночку вывести его из укрытия и вернуть обратно.

Гондола не достаёт до земли около метра, боковая дверь раскрыта. Я поискал глазами небольшую приставную лесенку, которую мы использовали специально для таких целей.

– Нет, ну нет же! – как капризный ребёнок заканючила Кира с хитрой улыбкой. – На ручки, на ручки хочу!

Она подбежала, стала спиной ко мне и призывно развела в стороны руки:

– Ну давай, смелее! Каждый раз мнёшься, как монашка в мужской бане! – хихикнула она.

Молча подхватил лёгкую, стройную барышню за талию и, приподняв на вытянутых руках, поставил внутрь.

– Добро пожаловать на борт «Валькирии», сударыня!

– Какие у тебя руки сильные! – игриво отметила Кира.

– Садись в правое кресло и ничего не трогай!

Раскрыл металлический короб на стене и переключил рубильник. Раздался щелчок реле, и под тихий гул приводов дирижабль медленно двинулся к выходу из ангара.

Я открыл шкаф, достал свою коричневую кожаную куртку «пилот» и вышел на поле. Тросы дотащили воздушное судно до нужной точки, сработала система отсечки, и движение прекратилось.

Осмотрев аэростат снаружи, я забрался в гондолу, уселся в кресло пилота и произвёл проверку основных систем. Запустил обе ходовых установки в режиме прогрева и тут же почувствовал привычную лёгкую вибрацию и едва слышный гул.

Покосился на довольное лицо Киры и вдруг захотелось немного пошалить. Я задействовал свой Дар, но не равномерно, как обычно, а преимущественно в передних газовых отсеках. Панель приборов ожила, стрелки давления газа дёрнулись, и я тут же ударил по большой круглой кнопке.

Где-то внизу, раскрывшись, клацнули защёлки. Удерживающие тросы бессильно упали на землю, и огромная машина начала медленно подниматься, наконец-то, освободившись от оков.

Показатель тангажа на экране авиагоризонта полез вверх, и где-то сбоку испуганным мышонком пискнула Кира, почувствовав, как задирается нос.

– Поехали! – с весёлой бесшабашностью крикнул я и потянул штурвал на себя, плавно прибавляя тягу.

Аппарат, приняв угол подъёма градусов двадцать — двадцать пять, начал резво набирать высоту и ход. А на моём лице расплзлась натурально хулиганская улыбка.

Непривычный к такому издевательствам дирижабль завибрировал всем корпусом, выражая решительный протест. Послышалась какофония разноголосых звуков: металлический скрежет напряжённых шпангоутов, жалобное потрескивание деревянных стоек, плаксивый скрип канатов, притягивающих гондолу к корпусу.

Но громче всех иерихонских труб, словно песнь восторга и ужаса, раздавался визг перепуганной, вжавшейся в кресло Киры.

Поднявшись выше двух тысяч метров, плавно выровнял штурвал. Полёт стал безмятежным и спокойным, как сон праведника.

– Ты сумасшедший! – гневно сверкая очами, Кира ткнула в меня пальчиком. – Я думала: вот-вот всё развалится, и мы упадём!

– Признайся, тебе же понравилось?

– Понравилось?! Да я чуть не описалась! – девушка прикрыла глаза. – Это было божественно... и страшно... такой восторг! – её грудь высоко вздымалась. – Ничего подобного, я в жизни не испытывала.

Судя по покрасневшемуся лицу, загадочной улыбке и плотно сжатым коленкам – испытала она нечто более интимное, но развивать эту тему я, естественно, не собираюсь.

Вскоре чуть справа под нами показалась ярко освещённая Евпатория – приезжая публика изволит гулять круглосуточно. Денежки сами себя не потратят, вот местные и изгаляются, чтобы угодить господам отдыхающим: гостиницы, кафе, рестораны, масса прочих развлечений на любой вкус и кошелёк. Курортный город в сезон не спит никогда и залегает в долгую, тягучую спячку на всё межсезонье.

Сейчас нам требуется полная маскировка. Погасил навигационные огни, оставил лишь необходимую пилотам подсветку приборов и кабины. Теперь дирижабль невозможно заметить с земли даже в самую лучшую оптику.

На мысах Тарханкут и Меганом установлены мощные радары Имперской погранслужбы, которые усердно прочёсывают прибрежные воды, отслеживая весь трафик судов — от большого корабля до надувного матраса.

Недавно случился громкий скандал: внеплановая столичная комиссия усмотрела «некоторые злоупотребления» в определённых ведомствах. Итогом стала отставка всего таможенного и пограничного руководства.

А новое с перепугу начало с таким рвением исполнять свои обязанности, что несчастным контрабандистам, испокон веку, вольготно промышляющим в этих местах, просто не стало житья. Впору закрывать свой прибыльный бизнес и начинать зарабатывать честным трудом — о такой напасти не только они, даже их деды не слыхивали.

Глава 2

Как ни странно, о проблемах местного теневого предпринимательства мне поведала Кира, иначе жил бы я дальше, в счастливом неведении.

Разговор произошёл несколько дней назад.

После занятий я поджидал свою подругу в милой, уютной кондитерской, недалеко от гимназии. Сидел за столиком, наблюдая, как по набережной ко мне торопится Кира.

– Ты понимаешь теперь, какая это ужасная беда? – сделав глоточек горячего шоколада, сокрушалась она. – Да ещё и в такой неудачный момент!

– Ну, для уволенных взяточников, наверное, да... — неуверенно согласился с подругой, — для контрабандистов тоже. А нам с тобой от их проблем — ни жарко, ни холодно.

– Ох, какой же ты дремучий, Фил! – фыркнула девушка. – Ты кроме своей летающей бандуры хоть чем-нибудь ещё интересуешься?

– Угу... Ещё интересуюсь: почему момент неудачный?

– У вас в поместье что? Радио сломалось, а газеты вы только для растопки используете? – увидев мой тяжёлый взгляд, Кира тут же пошла на попятную. – Ладно-ладно, слушай: у Империи снова ухудшились отношения с Ираном, и под запрет на ввоз помимо специй, хны, басмы

попал иранский шёлк. ШЁЛК понимаешь?! Он самый дорогой и лучший! И самый теперь модный! А ты мне скажи: какое важнейшее событие в нашей жизни произойдёт уже довольно скоро?

– Ну-у... мы сдадим экзамены и окончим, наконец, гимназию.

– И-и? – вопросительно протянула Кира.

– И забудем её к чёртовой бабушке! – меня слабо интересовал щебет про гимназию, шелка и прочие дамские шляпки. Я слушал вполуха, раздумывая над улучшениями системы приводов рулевых тяг аэростата.

– Бал! будет выпускной бал!! И каждая девушка захочет себе платье из иранского шёлка. Да что говорить – я первая! Уже представляю, как оно выглядит – цвет, фасон, отделка... А знаешь, сколько гимназий на полуострове? А сколько таких девушек? И самое главное: ты же знаешь, что наше семейное предприятие... – она сделала паузу и выразительно посмотрела на меня.

– Одно из крупнейших коммерческих предприятий в регионе. Лавки и магазины по всему Крыму... – продолжил я за неё. – И ты лет с четырнадцати тоже участвуешь, помогая родителям, и имеешь долю.

– А ещё на Кубани, в Ростовской губернии и даже в Санкт-Петербурге и Москве мы открыли представительства. А я, вообще-то, начала работать с тринадцати лет, – с гордостью сообщила Кира, – сейчас к восемнадцати имею уже два личных магазина. Папенька отправит меня в столицу учиться и набираться опыта, если покажу хорошую прибыль!

– Бесконечно рад твоему успеху, но я-то здесь причём?

– Помнишь, ты как-то хвастался, якобы можешь летать так, что никакие радары не увидят?

На меня внезапно снизошло озарение и понимание: так вот к чему она тут разливается соловьём. Разговор ни о чём сразу обрёл вес и плотность, а возможно, получит и конкретное выражение в денежном эквиваленте.

Задумавшись, начал машинально отвечать на её вопрос:

– Я говорил, что они следят за морем, а летательный аппарат, идущий выше двух тысяч метров, обнаружить не могут. Да и нет у них такой задачи – атаки с воздуха никто не опасается, а частных дирижаблей на полуострове меньше, чем пальцев на одной руке.

Тут последний пазл в голове сложился, и я обескураженно посмотрел на свою подругу. – Э, но я не имел в виду, что мечтаю о карьере контрабандиста!

– Ну какая там контрабанда? Это же не оружие или марафет! Так, мелочь... несколько рулонов шёлка поднимем на борт и всего делов. А я тебе за это – две с половиной тысячи заплачу. И ещё кое-что: прикажу своей портнихе на тебя хороший костюм сшить! Вы же с дядей Константином наверняка и не думали даже, в чём ты на бал пойдёшь? А приличного костюма у тебя сроду не водилось – уж я-то твой гардероб знаю!

Я призадумался... Пенсия отставного майора за год составляет тысячу восемьсот рублей. А тут – две с половиной тысячи за ночь работы. Это большие деньги. Да и хороший костюм тоже лишним не будет. Но влезать в какие-то мутные аферы с контрабандой совершенно не хочется.

Гимназия, бал и прочая местечковая мишура меня не слишком интересует. Главное – хорошо сдать экзамены. А вот потом... средства наверняка понадобятся, и немалые.

До последнего времени я не ощущал нужды в деньгах: моя сиротская пенсия, плюс его воинская – нам с дядькой вполне хватало. Живём мы скромно, по кабакам и казино не расхаживаем, за модными нарядами не гонимся.

Вот в дирижабль вкладываем немало – и денег, и собственных сил, но оно того стоит! Полёты приносят намного больше удовольствия, чем балы, приёмы, дворянские собрания и вся напыщенная светская жизнь.

Но теперь? Уже осенью я поеду поступать в Академию Воздухоплавания, а там мне понадобятся и деньги, и приличный внешний вид. Столица Империи – это не наша пыльная провинция, там и расходы другие. Но вот влезать в криминальные дела...

«Как ни крути, от этого предложения дурно пахнет. Задам ещё пару вопросов и откажусь».

– И сколько же ты собралась перевезти груза? – выразил осторожную заинтересованность.

– Ну, думаю рулонов сто – сто пятьдесят... – увидев мои округлившиеся глаза, Кира затараторила: – Они не тяжёлые и хорошо упакованы, погрузят быстро! И... и пару тюков со специями ещё...

– Кира, твоим родителям сообщили, что под видом дочери в их семью втёрлась хитрая, коварная и беспринципная аферистка?

– Это самые важные и почитаемые качества в нашей семье, – ничуть не обижаясь, девушка со смехом подхватила шутку, – ты не забыл, чем мы занимаемся? Без этого в коммерции не выжить – вмиг прогоришь!

– Кстати, а почему твой папа не подошёл к дяде с этим вопросом? Они же друзья?

Лицо Киры помрачнело: – Папенька сказал, что Константин Кириллович – дворянин и офицер, он ни за что не согласится. А предложенные деньги вовсе сочтёт оскорблением и их многолетней дружбе придёт конец.

Я задумался: почему вообще не рассматривал этическую сторону вопроса? Я ведь тоже дворянин, хоть и не титулованный. И офицер! Пусть в прошлой жизни, но всё же...

Внезапно почувствовал обиду на Киру и стыд за себя. Почему я не счёл предложение неприемлемым даже оскорбительным? Напротив: стал прикидывать варианты, считать деньги. Да чего там — я уже почти согласился!

Видимо, понятие целесообразности для человека моего мира превалирует над эфемерными понятиями «кодекса чести» местного дворянства.

«Кира считает, что дядя не станет мараться, а я, значит — соглашусь? Выходит, я в её глазах — бесчестный, продажный дурачок? Вот же коварная змея!»

На душе стало гадко, внутри начала разгораться злость – на себя, на эту богатенькую стерву, решившую мною воспользоваться, на ситуацию вообще.

Уставился на сжавшуюся под моим взглядом девушку и холодно процедил: – Вы с папашей решили, что со мной сторговаться проще? Я не так щепетилен в вопросах чести? Или нашей дружбой не жалко пожертвовать – она менее ценный актив?

В глазах девушки от обиды уже стояли слёзы, но я упорно продолжал: – вы истинные коммерсанты, даже честь и дружбу сумели внести в финансовую ведомость. Интересно, наша с тобой дружба по какой части баланса проходит – по дебету или кредиту?

– Филип прости, прости, пожалуйста! Всё совсем не так, поверь! Ты для меня не просто друг! – у неё задрожали губы, – я поступила глупо, нужно было сразу тебе всё рассказать...

– Что рассказать? Я ещё не всё знаю? Вы меня тёмную решили сыграть? – я уже всерьёз разозлился.

Кира подняла заплаканное лицо и зачастила, опасаясь, что я уйду, не дослушав: – Нет! Отец ничего не знает, он никогда бы не полез в такую рискованную авантюру. Это я — самонадеянная дура! И теперь... Фил, мне нужна твоя помощь!

– Успокойся и расскажи всё как есть, без утайки, — я подал ей платок.

Кира привела себя в порядок и заговорила: – Недавно отец сказал, что на этот сезон иранских товаров у нас в продаже не будет. Все местные контрабандисты, с кем он работает, отказались — слишком велик риск. Отец ведёт дела осторожно и не хочет связываться с непроверенными людьми. А мне очень нужно, чтобы в этом квартале мои магазины показали хорошую

прибыль! Тогда меня отправят в Санкт-Петербург учиться и сделают помощницей руководителя в нашем представительстве. Ты ведь тоже туда собираешься, в свою Академию, верно?

– Да...

– Ну вот! – Кира шмыгнула носом. – Мы тогда сможем видаться, и я решила рискнуть. Взяла без спроса деньги и оплатила груз. С турками связи давно налажены, я им уже заказы делала, они меня знают. Закупить в Иране товар и морем доставить к нашему берегу — ничего сложного. Но из-за усердия пограничников и таможни местные перевозчики попрятались и боятся выходить в море. Я нашла одного рискованного, который согласился. Ему деньги очень нужны были, чтобы отца из кутузки выкупить. А два дня назад его посудину прямо в море с поличным прихватил патрульный катер.

Она вздохнула, и обречённо продолжила: – Вот и всё: через несколько дней турки привезут товар, а забирать его — некому! Они ночь проболтаются в нейтральных водах и уйдут обратно. Деньги за товар не возвращаются. Когда родители узнают — мне конец! После такого провала, в лучшем случае, доверят на самом вонючем базаре мелочь за туалет собирать...

– И сколько же ты денег потеряешь?

– Почти пятнадцать тысяч...

Я от услышанного впал в ступор и молча покосился на подругу. Чтобы пойти на такую авантюру, нужно иметь стальные «Фаберже» или пустую тыкву вместо головы.

– Ты из-за меня это сделала? – Кира отвела взгляд, поэтому я пригрозил: – Отвечай честно, иначе сразу откажусь!

– Ну... не только из-за тебя. Это часть плана.

– Что за план, рассказывай!

– Мой жизненный план... Фил! Ты мне поможешь или нет?

Я крепко задумался: теперь всё выглядит иначе. Киру стало откровенно жалко – девчонка сморозила редкостную глупость. С такой склонностью к авантюрам если не возьмётся за ум, в торговом деле она долго не продержится – пустит по ветру весь семейный капитал.

Подозреваю, для их семейства это не критичная сумма, но и не мелочь, чтобы доченька «училась, набивая шишки». Неприятности её ждут неиллюзорные. А главное: девушка обратилась ко мне за помощью. Это меняет весь расклад.

Несмотря на наш перманентный флирт, я прежде всего вижу в ней друга, что бы она там себе не воображала. И отказать девушке в помощи для меня — неприемлемо. Так же как моему дяде, неприемлемо согласиться участвовать в подобном. Такой вот мировоззренческий парадокс.

– Да, я помогу тебе, но в первый и последний раз! Больше я контрабасом заниматься не буду.

Кира аж запрыгала на стуле, бросилась благодарить и обниматься. Потом мы вышли из кафе, решили пройтись по набережной. Обсуждали будущий полёт, шуриясь от мягкого, весеннего солнца. Погода стояла прекрасная, с моря тянул лёгкий бриз, гуляющих вокруг не слишком много – сезон пока не начался.

Вдруг я заметил очередь на ступенях недавно открытого заведения. Над входом красовалась огромная вывеска: Кафе «Демонический краб». Здоровенный красный, покрытый шипами краб, держащий в клешнях доску с названием. Ниже притулилась строчка помельче: «черноморские деликатесы».

Это показалось странным. Уж всяких заведений тут полным-полно, но специализирующихся на Демонических животных – нет. Теперь ясно, с чего вдруг очередь – экзотика! Отдыхающие такое любят.

Декры (так сокращённо называют этих короткохвостых раков) массово расплодились в Чёрном море и оказались необычайно вкусны. Но ловить их в товарных объёмах сложно, тем более на целую сеть таких вот кафе.

Декры и прочие твари появились на Земле лет триста назад, когда в этот мир пришла Магия. Из тысяч блуждающих порталов (разломов) хлынули волны неведомых доселе Энергий.

Магия явилась не в одиночестве, словно непрощенная бродяжка, а как гордая, могущественная королева с огромной свитой. Вместе с ней мир наполнился разными тварями – от милых, безобидных и даже полезных, до истинно жутких, кровавых Демонов преисподней.

Большинство разломов со временем схлопнулись, а новые открываются теперь гораздо реже. Но всё равно есть сотни незакрытых, разного уровня опасности разбросанных по всему миру. С ними человечество ведёт постоянную и тяжёлую борьбу – жуткие твари могут появиться откуда в любой момент.

Кира тоже взглянула на вывеску и дёрнула меня за рукав.

– Ой, смотри! Это заведение скоро станет самым модным! Сюда непросто попасть. Один из учредителей – господин Ахримади – знакомый моего папеньки. Он мне золотую VIP карту подарил. Вход в любое время и без очереди. Я уже дважды посещала – дорого, конечно, но очень вкусно.

Взгляд Киры стал покровительственным, она критически осмотрела меня.

– Хочешь, я тебя проведу? Попробуешь деликатесов.

– Спасибо, обойдусь.

– Я угощаю, не волнуйся! Без меня тебя даже понюхать не пустят, так что лови момент, пока я добрая. – Она со смешком ткнула меня в бок локтем.

– Не хочу, иди сама нюхай!

– Фу, какой ты душный...

– У нас дела есть, потом развлекаться будем! Нужно план полёта продумать, чтобы никакая случайность не помешала.

Мы под ручку продефилировали мимо модного заведения дальше по набережной.

Мои воспоминания внезапно прервала Кира. Нарушив тишину ночного полёта, она что-то возмущённо чирикнула. Я не расслышал, погружённый в свои мысли, и вопросительно уставился на неё.

От скуки девушка нашла в кабине газету и лениво перелистывала страницы, в основном обращая внимание на фото и заголовки. Обнаружила интересную статью и прочитала вслух заголовок: «На полуострове пропадают люди».

В статье сообщалось, что за два последних месяца пропали восемь человек. В основном приезжие — местный лишь один. Ни трупов, ни каких-либо улик у полиции не имеется.

Люди просто бесследно исчезают. О троих приезжих сообщили хозяева гостиниц — постояльцы пропали, оставив в номерах вещи. А ещё о четверых стало известно лишь потому, что их здесь ожидали друзья или родственники.

В поездах, дирижаблях их видели, а выйдя из вокзала или воздушного порта, несчастные бесследно пропадали, не доезжая до места назначения. Удивительно и то, что в трёх случаях находили их вещи — преступники не мелочились, забрали только деньги и самое ценное.

– Ужас просто... – выдохнула Кира. – Наверно, банда грабителей какая-то завелась? А вдруг это маньяк людей губит?

– Не думаю. Зачем они тогда от баракла избавляются? На отдых люди едут с красивыми, дорогими вещами, их продать можно. Не похоже на грабителей, да и на маньяка тоже. Боюсь, тут дело куда хуже.

– Хуже?! Как это? Фил, что значит — хуже?!

– Скорее всего – это верхушка айсберга, лишь малая часть, а пропавших намного больше. – Мрачно сказал я.

– Почему ты так решил?

– Сама смотри: хозяевам официальных гостиниц, нет смысла скрывать пропажу клиентов. Наоборот. Сообщили, а дальше проблема полиции. Найдут – хорошо, не найдут – ещё лучше. Прибыль даже растёт, если пропавшие вперёд заплатили. Оплаченный номер освобождился раньше, новый клиент въехал. Понятно?

Девушка в крайней задумчивости покивала головой, соглашаясь, а я продолжил: – А теперь прикинь: сколько приезжих снимают всякие комнаты, квартирки, флигельки и прочие сарайчики? Их хозяева работают втёмную, налогов не платят. Они ничего полиции сообщать не станут. Выждут время, вещи выкинут или скупщику отнесут и концы в воду.

Кира смотрела на меня круглыми, как у полярной совы, глазами. Кажется: дай в руки тетрадку – записывать начнёт.

– Это не всё! Подумай вот о чём: выявлены только те случаи, где о приезжих знали и ожидали их. Потому и шум подняли, когда их друзья-родственники не появились вовремя. И последний вопрос: если человек приехал один или вдвоём, и их тут никто не встречает. Как скоро пропавших хватятся?

– Только когда они не вернуться домой, – ошарашенно ответила девушка. – так это же... очень долго может быть...

– Умница! Тут видна определённая схема: выбирают тех, кого долго не начнут искать. Ведь с каждым днём шансов меньше. А потом и вовсе — докажи сперва, что пропавший до Крыма вообще доехал. Вдруг он по дороге где-то потерялся.

– Филип, иногда я поражаюсь! Ты младше меня, но порой говоришь и рассуждаешь так, будто старше моего отца и дяди Константина. Причём с самого детства! – Она прищурилась и ткнула в меня пальчиком, будто поймала на месте преступления. – Откуда у тебя такие знания?

«Ну вот, довыёживался... Меньше надо умничать, теперь придётся отшучиваться».

– Ты старше-то всего на пару месяцев, мы оба совершеннолетние. – От таких вопросов стало как-то неуютно, но раскрывать своё иномирное происхождение я не собираюсь. – Кира! Нельзя желать от жизни всего и сразу. Тебе досталась красота, мне – ум. Всё справедливо! А это – простой анализ информации из разных источников. Нужно собрать цельную картинку из отдельных фактов. Если попрактикуешься – делать тоже самое будет несложно. Я же провёл всю логическую цепочку у тебя на глазах.

Во взгляде Киры сквозило сомнение, но любопытство пересилило: – Так, кто же тогда убивает людей? И зачем?

– Откуда же я знаю? Может, их и не убивают вовсе, а живыми куда-то отправляют?

– А куда и зачем? – она смотрела на меня как на фокусника, собравшегося вытащить кролика из шляпы.

– За границу на органы, а может, в рабство: мужиков на каменоломни, красивых женщин в бордель, некрасивых в ваши магазины кассиршами... Кира! Отстань, не знаю я!

– Сумароков, ты придурок! – после небольшого замешательства воскликнула моя подруга. – Иди ты, знаешь куда?

Отбросила в сторону газету и раздражённо пробурчала: – «Одни пишут всякий бред, а второй мелет, чёрте-что!»

Молча отвернулась и уставилась в темноту за бортом.

Глава 3

Глава 3 *Ужас посреди моря*

Я обрадовался наступившей тишине, взял курс на побережье и дальше за двенадцатимильную зону в международные воды. Где-то там в обозначенном координатами месте нас будет ждать турецкая посудина. Старенький парусник или небольшой чумазый пароход с коптящей чёрным дымом трубой и пятнами ржавчины.

Прибрежную зону прошли без проблем, поднявшись выше трёх тысяч метров. Вблизи нейтральных вод я проверил работу бортового радара, а он у нас отличный, с хорошей чувствительностью и зоной покрытия.

Благо что дядюшка, когда выкупал того списанного, потрёпанного «Стрижа», превратившегося теперь в нашу прекрасную «Валькирию», приобрёл кучу оборудования.

Посадил Киру следить за прибором и направил дирижабль к месту встречи. Минуты шли, но радар словно уснул — никакой активности. Решил изменить курс: пройти параллельно побережью, расширить зону поисков. Снова напрасно. Холодом по спине заструились нехорошие предчувствия. Ещё раз проверил координаты — ошибки нет.

«Где же они? Не должны турки обмануть. Может, с курса сбились, опоздали? И что теперь? Плюнуть и возвращаться? Нет, нужно дальше искать и быстро — время уходит».

Кира уже начала беспокойно ёрзать, поглядывая на меня, как вдруг на маленьком экране мелькнула точка и раздался негромкий, короткий писк. Отметка находилась на самой границе чувствительности прибора и, конечно, не давала стопроцентной гарантии. Но хоть что-то! Даже слабая надежда, всяко лучше уверенной, стопроцентной безнадёги.

Вздыхнул с облегчением и направил летающую машину туда. Через полчаса мы имели чёткие координаты. Но даже опустившись ниже трёхсот метров, не смогли ничего рассмотреть и в самую хорошую оптику. Внизу по-прежнему разливалась непроглядная, пугающая тьма.

На наше счастье, море было спокойно, но ощущение бесконечной холодной бездны под нами не добавляло уверенности и бодрости духа.

Судя по радару, судно совсем рядом, но светомаскировка и тьма внизу скрывают его очертания. Невозможно визуально определить, где оно, и понять — его ли мы ищем или это какой-нибудь заплутавший рыбак.

Опустившись до ста метров, я, носовым прожектором, передал условный сигнал: Та, та-та, та-та — длинный, два коротких, два коротких. Пятна света, яркими вспышками падали на тёмную воду и тут же исчезали.

Потянулись бесконечно долгие секунды, и наконец внизу, почти под нами, замигал светлячок. Та-та-та, та, та-та-та.

«Да, всё, как и оговорено: три коротких, длинный, три коротких. Точно они!!»

Вскоре на посудине внизу включили всю возможную иллюминацию — теперь нет смысла прятаться, дальше нужно действовать быстро.

На удивление погрузка прошла без сучка и задоринки, словно мы так делали уже не раз. Видимо, там внизу оказались на редкость сообразительные люди, с растущими из подходящего места конечностями.

Они ловко поймали скинутые причальные канаты и закрепили по бортам судна таким образом, что приёмный люк гондолы оказался точно над кормой, где хранится аккуратно упакованный груз.

Высота около шести метров никакой сложности не представляла: я уверенно управлялся с ручной талью, а Кира оттаскивала и складывала поднятые тюки. Всего уложились в двенадцать подъёмов. Наконец, Кира что-то прокричала вниз, в ответ раздалось довольные смешки и возгласы: — «якши!»

Причалные тросы отпустили, дирижабль начал медленный подъём, которому я тут же придал ускорение своим Даром.

Мышцы приятно ныли — на быстротечной погрузке я немного устал, но остался доволен. Главное: мы сделали дело! Теперь осталось только не натворить глупостей и довести его до конца. В таком настроении я развернул «Валькирию» и воздушное судно легло на обратный курс.

Мы уже летели над территориальными водами, ещё чуть-чуть и на востоке заалееет тоненький край неба. Кира тихонько дремала, а я задумчиво поглядывал на приборную панель.

Вдруг показалось, что внизу слева загорелся огонёк. Скорее всего, это включили свет на чьей-нибудь частной яхте, или рыбаки затемно вышли в море, чтобы не проспять хороший улов.

Из любопытства присмотрелся получше, но что-то показалось мне странным. Достал из ящика мощный морской бинокль и решил подойти поближе.

Мои манипуляции разбудили Киру. Девушка тоже взяла бинокль и стала смотреть вниз.

— Что там такое? — Она пыталась рассмотреть, но было ещё далеко, — странный кораблик... он какие-то коробки везёт, или сетки кроватные?

Я опустил дирижабль немного ниже и взял второй бинокль.

— Нет, это не коробки, это... ловушки для крабов, — понял я, увидев штабеля краболовок, наваленных, где только возможно.

— А вон там, на корме... — Кира навела резкость и вдруг осеклась. — Господи, это... это... — Она вскочила и бросилась вон из кабины. За тонкой перегородкой крошечного санузла раздалась характерные звуки — девушку рвало.

Я, наконец, разглядел, что вызвало такую реакцию, и честно говоря, едва не составил ей компанию.

На корме стояла большая, потемневшая от крови колода. Здоровый косматый рыжий детина в грязном непромокаемом комбинезоне орудовал огромным мясницким топором. Но разделял он не свинью или корову, а голое человеческое тело.

Таковыми умелыми, привычными движениями, какими мясники на рынке обрабатывают свиные туши, он отделял конечности от тела, шинковал их на небольшие, ровные части и сбрасывал в стоящее неподалёку большое корыто.

Когда оно наполнилось, подошёл другой мужик, поменьше. Седой, с короткой стрижкой «ёжик», с парой замызганных, окровавленных вёдер и прямо голыми руками нагребал в них эту чудовищную нарезку. Двинулся вдоль рядов клеток и в каждую забрасывал по несколько пригоршней.

«Твою мать! Это же приманка! — от ужаса у меня зашевелились волосы. Они ловят крабов на человеческий фарш!»

В этот миг один поднял голову в небо и начал что-то кричать второму, тыча пальцем в нас. Тот воткнул свой окровавленный топор в колоду и тоже уставился вверх.

Я как ошпаренный кинулся к пилотскому креслу, активировал Дар на полную катушку и с силой потянул штурвал на себя.

«Нет-нет-нет! Вы нас не видите, не видите!» — мысленно взмолился я, глядя на тех двоих на корме, таращащихся в нашу сторону.

И тут внутри словно что-то треснуло, как будто Магический Дар не выдержал напряжения. Но не выгорел, как обычно происходит в таких случаях — нет! Похоже, в нём сломалась невидимая преграда, открылся ещё один исток, и Сила начала убывать с удвоенной скоростью.

Набор высоты вышел таким стремительным, что у нас с Кирой заложило уши. Она уже вернулась в кресло и смотрела на меня с совершенно потерянным видом.

Я остановил подъём – высоту набрали вполне достаточную. Почувствовал головокружение, слабость и лёгкую тошноту. С тревогой прислушался к новым ощущениям, гадая: что со мной произошло и как оно аукнется в будущем?

Последнему дураку известно: с Магическим Даром шутки плохи. Спросите у тех несчастных, которых находили мёртвыми, с вытекшими глазами и гримасой дикой боли.

С этими мыслями настолько погрузился в себя, даже не сразу услышал требовательный голос Киры:

– Фил... Филип! Что ты там бормочешь?

– А? – поднял рассеянный взгляд.

– Ну вот это:

Я тучка, тучка, тучка,

Я вовсе не медведь!

Ах, как приятно тучке

По небу лететь... Это что? Песенка? – Девушка пристально уставилась удивлённым взглядом больших, зелёных глаз.

– А... да так, забудь. Реакция на стресс. – Не найдя понимания в её глазах, пояснил: – Когда волнуясь, напеваю что-нибудь, успокаивает нервы.

Она обескураженно покачала головой. – Я иногда думаю: ты вообще нормальный человек? А может психопат?

– Ну что ты выдумываешь, Кира?

– Увидеть такое... такой ужас... Я теперь неделю спать не смогу, а он песенки дурацкие распевает!

– Каждый борется с потрясением по-своему. Кто-то орёт: «караул!» и по потолку бегает, ты сон теряешь, а я вот – песенки напеваю.

Она хмуро глянула, но комментировать не стала, задала другой вопрос:

– Они нас заметили?

– Думаю, что нет, – соврал я, пытаюсь успокоить девушку, – было темно и довольно далеко. Может, звук двигателей или винтов услышали.

– Фил, мне страшно... Что будем делать?

– Ну, сначала закончим начатое, а потом... не знаю, нужно подумать.

– Господи, господи... они людей на корм всяким гадам пускают! – горячо зашептала Кира. – Такое нельзя оставлять безнаказанным, Фил! Они же убийцы и сами не остановятся, это же целый бизнес, огромные деньги! Нужно сообщить полиции.

– Всё не так просто, малыш... – я обнял её, прижал к груди и осторожно погладил по волосам. – У нас нет никаких доказательств. Одно только описание этой лоханки толку не даст. И ещё: нам придётся объяснять властям, почему мы оказались там.

– И что теперь? Притворимся, будто всего этого ужаса не видели? – она вывернулась из моих объятий, взгляд девушки пылал возмущением.

– Нет, малыш, конечно, нет. Но сообщать ничего никому не станем, сначала попробуем выяснить всё сами.

– Сами? Как настоящие детективы? – В голосе прозвучал восторг и заинтересованность.

«Ну как ребёнок, честное слово, – улыбнулся, глядя на подругу. – Хотя уже совершеннолетняя, с недавних пор».

– Да, Кира, как самые настоящие детективы. Но я тебя умоляю: никому ни слова и без глупой самостоятельности, хорошо?

– Я не маленькая и понимаю, насколько это опасно! – сердито огрызнулась она. – Думаешь, мне сильно хочется лежать по кускам, в тех клетках?

– Хорошо, что ты всё понимаешь. Давай сперва решим вопрос с нашим грузом, а об остальном подумаем уже завтра. Слона нужно кушать по кусочку, а проблемы решать – по мере поступления.

Дальше до самой точки разгрузки летели в полном молчании, старательно делая вид, что ничего страшного не произошло. Но атмосферу тревоги и беспокойства, как тягучий кисель, заполнившую всю кабину, мы оба чувствовали собственной кожей. И подавленный вид Киры лишь подтверждал моё ощущение.

Я украдкой смотрел на неё, а сам ломал голову: заметили они что-нибудь в предрассветном небе? Если да, то смогут ли опознать дирижабль? Предчувствия в душе разрастались самые неприятные.

Солнце ещё не коснулось края небес, лишь слегка посеребрило горизонт на востоке. На пыльной дороге где-то посреди крымской степи лёгкий ветерок лениво поднимал облачка жёлтой пыли. Мы опустили драгоценные тюки, а два молодых человека быстро перетаскали их в кузов небольшого грузовичка марки «Форд», с брезентовым тентом, выцветшим под жарким южным солнцем.

Один – высокий, со щегольскими усиками, в кожаной куртке, шофёрской кепке и хромовых сапогах с видом бывалого авто энтузиаста принялся крутить кривой стартер. Второго – худого блондина в очках и клетчатом пиджаке окликнула Кира:

– Алексей! Товар отвезите в шестой склад, передайте Наталье Петровне, она в курсе! – Девушка высунулась из люка и показала обоим работникам кулачок. – И чтоб никому ни слова, ясно!

– Да-да, Кира Григорьевна! – закивал головой очкастый ботаник. – Мы всё сделаем и сохраним конфиденциальность, не беспокойтесь!

Автомобиль чихнул и затарахтел бензиновым двигателем мощностью аж в двадцать лошадиных сил, а мы уже набирали высоту, торопясь как можно скорее добраться до ангара. Времени почти не осталось – горизонт на востоке начинает светлеть. Ещё чуть-чуть и дирижабль будет отлично виден в утреннем небе.

Успели как раз вовремя. К счастью, Кира летала со мной не впервые и неплохо управлялась с причальной системой. Мы работали быстро и слаженно как опытная команда.

Я подвёл «Валькирию» в нужную точку, она ловко закрепила канаты фиксаторами. Оставалось лишь отбуксировать дирижабль в ангар и закрыть ворота. Много времени это не заняло. Убегая с лётного поля, успел заглянуть к сторожу – дед так и продолжал кемарить, неся свою «нелёгкую» службу.

Мы со всех ног припустили к усадьбе – успеть разбежаться по комнатам и хоть немного поспать. Вот-вот проснётся прислуга и примется за работу: мести двор, наводить порядок в помещениях, греметь посудой на кухне. Незачем им нас видеть в такое время, тем более вместе.

Несмотря на всё пережитое за ночь, ощущается душевный подъём: мы сделали опасное дело и не попались! То, что впереди маячат куда большие проблемы, сейчас воспринимается как нечто далёкое и нереальное.

Около лестницы я молча помахал рукой Кире и, лёгким шагом взбежал на второй этаж, в свои покои. Быстро разделся, рухнул на кровать и закрыл глаза. Бесполезно. Сна не обнаружилось ни в одном из них.

Ещё по прежней жизни хорошо помню такое состояние. Когда после опасного вылета взбудораженный адреналином организм начинает испытывать откат.

Дверь тихонько приоткрылась, и кто-то прокрался в комнату. Даже не открывая глаз, могу сказать, кто пришёл. Под одеяло юркнуло горячее упругое тело, меня обхватили нежные, но цепкие ручки.

«Вот чёрт... Как её теперь выпроводить, чтоб не сильно обиделась?»

Нет, Кира девушка симпатичная, даже красивая, но... мы знаем друг друга с детских лет. Как-то так вышло, что я вижу в ней озорную, взбалмошную девчонку, возможно, младшую сестру. Но никак не сексуальную женщину, тем более любовницу или супругу. А вот у Киры на мой счёт, явно прослеживаются далеко идущие, matrimониальные планы.

На её появление молодой организм отреагировал, как и положено – боевая стойка и нестерпимое желание рваться в бой. Близость прекрасного девичьего тела пьянила, требовала немедленных действий.

Но мой жизненный опыт и сила воли удерживали от опрометчивого поступка. Как собака, оттаскивающая человека, занёсшего уже ногу над пропастью, на одном из Арканов Таро.

– Кира, ты, кажется, ошиблась спальней...

Вместо ответа она впиалась в мои губы решительным, но неумелым поцелуем.

– Послушай, милая, то, что ты задумала – неправильно. Это последствия пережитого ужаса. Сознание требует снять напряжение прошлой ночи. Голая физиология и ничего больше, понимаешь?

– Фил, прекрати говорить как мой отец и поцелуй меня!

– Кира, не нужно! Ты сейчас на эмоциях, потом будешь об этом жалеть.

– Я тебе не нравлюсь? Или ты чего-то боишься?

– Ты красивая девушка, но не хочу, чтобы наши отношения, вот так походя, перетекли в горизонтальную плоскость.

– Какая же ты сволочь, Сумароков! Я тебя ненавижу! – Взбешённая девушка вскочила, накинула халатик и выбежала за дверь.

Ну вот, вроде обошлось без истерик. Хотя пару дней точно будет теперь кукситься.

Стоило выпроводить незваную гостью, как тут же потянуло в сон. На дворе начинал разгораться новый день, а мне уже снились кошмары: за мной гонялись злобные демоны с огромными топорами, плюющиеся ярко-жёлтой, ядовитой слюной, и гигантские чёрные крабы, кидавшие огненные шары. Я в ужасе убегал, прятался и кричал: «Вы меня не видите!» и «Я вас уничтожу!»

В какой-то момент понял, что напрасно убегая, ведь я гораздо сильнее их и обладаю удивительно мощной, неизвестной Магией. Разозлившись, пошёл на врагов, как в последний бой. Начал творить какую-то магическую дичь, от которой у них стали вылезать глаза и лопаться головы. Проснулся, с трудом разлепив глаза, направился в душ.

За обедом Кира всем своим видом пыталась вызвать у меня раскаяние. В ответ я посылал мощные, невербальные сигналы, что совершенно не понимаю причины недовольствия.

После обеда позвал её прогуляться в город, нужно обсудить ситуацию и составить план. Выпросил у дядюшки коляску с откидным верхом, и вскоре, мы с Кирой уже совершали променады по набережной.

– В полицию не пойдём, – начал я излагать свои мысли, – во-первых: доказательств нет, сначала нужно хоть какое-то подтверждение найти. А во-вторых: может, этот твой Ахриман, с городским полицмейстером за одним столом каждый день сидит и прикормил всю полицию уже.

– Ахримади! – Поправила меня Кира, – он хороший человек и честный негодяй!

– Потому что VIP карту тебе подарил? – усмехнулся я. – Честный негодяй — это оксюморон!

– Прекрати лить грязь на всё купеческое сословие! – возмутилась девушка, – можно подумать, аристократы деньги не любят и все сплошь кристально честные?

– Не будем спорить. Но пока не убедимся, что хозяин «Демонического краба» ни при чём, он остаётся под подозрением! Ну не верю я, будто он не в курсе, как ему товар ловят!

– Ладно, с чего начинать будем? – спросила девушка.

Я задумался.

- Есть две зацепки: Первая – мы видели двоих людей и судно.
- У нас тут много рыбацких посудин, – возразила Кира.
- Они не простые рыбаки, а краболовы. Это специализированное судно, таких гораздо меньше. Думаю, найти его не так уж сложно.
- А вторая зацепка?
- Вторая – это газета...
- Что газета? – подруга смотрела на меня пустым взглядом.
- Ну газета, а в ней статья, понимаешь? – понимания в её глазах не прибавилось, пришлось разъяснять: – У любой статьи есть автор, а у него – информация. Он же откуда-то узнал про то, что изложил в статье. Наша задача встретиться с ним и каким-то образом вывести подробности, не попавшие в прессу.
- А-аа, вот теперь понятно, – Кира полезла в свой дорогуший ридикюль из крокодиловой кожи и вынула сложенную в несколько раз газету, которую читала на борту дирижабля и принялась рассматривать. – Та-ак... кто тут у нас автор? Вот! Гарманцевич Г.Ю. А газета у нас... «Крымский вестник».
- Если не ошибаюсь, газетка эта, ближайшая родственница лимону.
- Почему? – округлила глазки красotka.
- Жёлтая, потому что! – усмехнулся я и легонько щёлкнул Киру по носику. – Выбирай: пойдёшь на рыбацкий причал искать судно или в редакцию, втираться в доверие борзописцам?
- Девушка фыркнула: – я пойду очаровывать акулу пера Гарманцевича, а лазить по воняющим протухшей рыбой пристаням – удел таких неудачников, как ты, Сумароков!
- Посмотрим, кто добудет больше информации, и чья окажется более ценной! Кира, слушай: обязательно попытайся узнать имена пропавших и адреса тех, к кому они ехали. И главное: встряска из него всё про единственного местного, среди всех тех приезжих. Чувствую – он в этот замес попал не случайно!

Глава 4

Глава 4 Иван Крылов. Евдокия Мартынова

Рыбацкая пристань представляет собой два длинных пирса, облепленных десятками рыболовных судов – от больших сейнеров и траулеров до мелких, наспех просмоленных байд. С моря она прикрыта высокой грядой волнорезов.

На берегу расположились длинные, приземистые склады. Между ними, словно рваная паутина, болтаются бесконечные километры сетей, развешенные для сушки и починки.

Всё вокруг пропитано йодистой вонью гниющих водорослей и тухлой рыбы, которую не в силах унести даже свежий юго-восточный ветер.

А ещё на запах добычи слетелись сотни бакланов и чаек, затеявая бесконечные свары, оглашая округу громкими криками и копаясь в кучах мусора в поисках поживы.

С пригорка вся территория виделась как на ладони. Я внимательно разглядывал каждое судёнышко, но нужного не нашёл. Зато обнаружил ещё два краболовных судна.

«Возможно, они на промысле, позже вернутся?»

– Эй! Ты чего тут высматриваешь, паря? – за спиной послышался чей-то нагловатый голос.

Повернулся и увидел неподалеку двух парней, примерно моего возраста. Один: высокий, худой, в круглых проволочных очках и фуражке – типичный студент. Второй: русоволосый, коренастый, с крепкими, набитыми кулаками – явно не дурак подраться. Именно он, задрав квадратный подбородок, самым нахальным тоном пыжился меня задеть.

Я с холодным пренебрежением осмотрел его фигуру снизу вверх: чёрные резиновые сапоги на толстой подошве, непромокаемые штаны, брезентовая промасленная куртка с капюшоном – явно матрос с какого-то рыбацкого судна.

«Он-то мне и нужен! Наверняка всё про всех знает, только расспросить как следует. Но сначала требуется ключик подобрать, иначе ничего он тебе не расскажет!»

– Иван, не стоит! – вполголоса зашептал здоровяку студент. – Сам же видишь, он из благородных.

– А может, это переодетый германский шпион? – глумливым голосом возражал тот. – Хочет узнать, сколь в Империи рыбы добывают. Или вовсе – диверсию замыслил!

– Послушайте, бдительный гражданин! – я вложил во взгляд и голос максимум презрения, сколько смог из себя выдавить. – Самая страшная опасность, исходящая от ваших нестиранных портков и смердящих на всю округу портянок, не сравнится ни с какой диверсией! Местная флора и фауна рискует понести невосполнимый урон.

– Ах ты падла... благородная! – Вмиг расsvирепел Иван и двинулся на меня, сжав кулаки.

– Иван, Иван, остановись! Он же намеренно тебя провоцирует! За нападение на аристократа знаешь, что простолюдину светит?!

Студент буквально повис на нём, упираясь длинными, тонкими ногами. А тот с грацией носорога пёр вперёд, гневно раздувая ноздри.

Но, наткнувшись на мой насмешливый взгляд остановился, и с ненавистью сказал: – Эх, кабы ты не прятался за своим дворянством, я б тебе все зубы пересчитал!

Сплюнул и собрался уходить.

Подобной реакции я и добивался. Знаю таких парней: простой, честный, прямой как рельс. Если дружит – до гроба, ненавидит – на века. Подход к такому найти несложно, сложнее завоевать его уважение. Вот сейчас и попытаюсь.

– Эй, рыбак, погоди! Предлагаю честный бой один на один. Пока проигравший не упадёт или до первой крови. Выбирай. Твой друг свидетель: даю слово благородного человека: никаких претензий к вам выдвигать не стану!

Тот сразу заулыбался и скинул на траву куртку, оставшись в старой, потрёпанной тельняшке.

Я аккуратно скинул пиджак, немного подумав, развязал галстук и снял белоснежную сорочку, оставшись с голым торсом.

– Будьте добры, поддержите, пожалуйста, – обратился к студенту, который осторожно принял мои вещи.

– Ну лови, твоё благородие! – задорно, без всякой ненависти выкрикнул Иван и рванул на меня, размахивая кулачищами.

Ну, что сказать? В кабацкой драке или в сшибке стенка на стенку такому танку, возможно, не будет равных, но... С моим опытом единоборств как дважды победитель общеармейских соревнований, предрекаю: его шансы невысоки.

Так, я думал, снисходительно поглядывая на изображающего мельницу увальня. Но чертяка оказался настолько быстрым, что даже слегка зацепил меня по уху – слишком уж вальяжно я уклонялся.

Отбросив всякое высокомерие, немедленно встал в стойку и больше такой расхлябанности не позволял. Мы стали кружиться по полянке, я старался уклоняться и уходить от его колотушек, изредка принимая удары на блок и выбрасывая резкие джебы. Пару раз исполнял лоу-кики по голени и по бедру. Иван морщился – видимо, удары достигали цели, но скорость если и упала, то несильно.

Тем временем у меня уже начали ныть предплечья, на которые принимал удары этого слона. Вскользь пропустил удар в скулу. Оппонент же обзавёлся чудесным синим фонарём под левым глазом. Но явного победителя пока не наметилось.

И тогда я задумал провести одну комбинацию, не единожды приводившую меня к победе, но требующую определённой подготовки. Начал раз за разом имитировать атаку, точнее, делать размашистый удар, заставляя соперника поднимать правую руку, открывая печень.

И вот, в очередной раз он привычно потянул лапищу вверх, а я, как следует вложившись, нанёс ему удар под правое ребро.

Ваня выпучил глаза, раскрыл рот, не в состоянии сделать вдох, и повалился на вытоптанную траву, скрючившись от боли.

– Чистая победа нокаутом!! – Как заправский ринг-анонсер воскликнул я, подняв руки.

Забрал у встревоженного студента вещи и стал одеваться. Затем подошёл к Ивану, похлопал по плечу: – Ну как ты?

– Жить буду... Наверно, – прохрипел Иван, пытаясь подняться.

– Не заметил даже, как ты меня приложил-то? Будто отцовский мерин лягнул... – сокрушался парень, опираясь на мою руку.

– Да, у вас самая удивительная техника, – встрял студент. – Где вы такому научились?

– Если пожелаете, покажу несколько приёмов. – Парни дружно закивали головами. – Ну, раз так – давайте знакомиться! Меня зовут Филип Сумароков, без пяти минут, выпускник Первой Имперской гимназии.

– Вениамин Веденеев, студент Крымского Политеха, первый курс.

– Иван Крылов — я помощник механика на сейнере «Карагач».

– Отлично! Предлагаю пойти куда-нибудь, отметить наше знакомство! – обратился к парням, но они почему-то замялись, глянув друг на друга. – Я угощаю!

– Да мы как-то не пьём особо... – начал студент. Его поддержал Иван: – Разве что по кружке пенного пропустить? Есть недалеко заведение, там закуски хорошие подают: морепродукты всегда свежие, рыбка копчёная, мидии, рапаны в подливке... Только меня подождите, сбегая, переоденусь!

Вскоре мы уселись в небольшой уютной забегаловке, где нам подали весьма недурные закуски и напитки. Парни сперва держались скромно. Каждый понемногу рассказал о себе,

затем пошли какие-то весёлые истории. Иван уже с громким смехом хлопал меня по спине своей здоровенной ладонью. Вениамин, краснея, поведал о молодой преподавательнице, оказывающей ему тайные знаки внимания. Мы советовали не стесняться и брать ситуацию в свои руки. Атмосфера за столом царила самая тёплая.

Парни мне понравились – открытые, душевные и без гнильцы. С такими часто доводилось служить в той прошлой жизни.

Я задумался: как начать разговор о главном, и решил, что с этими ребятами лучший выход — говорить прямо. Только вот про контрабанду им знать не нужно.

Сказал, что пригласил покататься подружку. Взял дирижабль и устроил ей романтическое свидание в ночном небе. Случайно мы стали свидетелями того кошмара, и про статью в газете тоже не забыл. Дал подробное описание судна и тех двоих — «мясника» и «разносчика».

Парни обескураженно сидели и не могли поверить – весь хмель как ветром сдуло.

– Я попробую что-то разузнать! — Решительно заявил Иван.

– Только осторожно, они очень опасны, — предупредил я парня. — У нас в поместье есть телефонный аппарат, если добудешь любую информацию, немедленно звони. Есть откуда?

– Найду, — кивнул он.

Телефонные аппараты уже не были редкостью, но имелись далеко не в каждом доме. Обсудили ещё кое-какие мелочи и разошлись. Кажется, все остались довольны проведённым временем и новыми знакомствами.

– Та-ак... А что у тебя с губой? — Кира хмурилась, по-хозяйски осматривая моё лицо. — И ухо припухло... с кем ты подрался, Сумароков? Тебя же на полдня оставить нельзя, сразу найдёшь себе приключения!

– Прости, мамуля, больше не буду! — огрызнулся я. — Рассказывай лучше, как прошло интервью с журналистом?

– Хитрый и жадный пройдоха с липким взглядом, — скривилась девушка. — Сперва запросил у меня за информацию свидание, а когда я достала пять рублей ассигнациями, бедолага чуть надвое не порвался, так ему хотелось и того и другого.

– И что же он выбрал в итоге? — я с интересом уставился на её постное лицо.

– Пятёрку... алчный негодяй!

Меня разобрал такой смех, что я не удержался и хохотал, пока не получил пару тычков в рёбра.

– Кира, не расстраивайся! Зато теперь ты точно знаешь себе цену. — И снова покатился со смеху.

Девушка обиделась на мои солдафонские шутки, и пришлось извиняться, наговорить кучу комплиментов и купить большой молочно-ягодный коктейль — её любимый. Только тогда она соизволила продолжить рассказ.

В общем, за целых пять рублей улов её оказался небольшим.

Видно, сам этот журналист расследования не ведёт. Сидит на подхвате у местной полиции, собирает те крохи информации, что ему подкинут. А за это хвалебные статейки про них строчит.

Удалось узнать имя и адрес единственного пропавшего местного: Софрон Мартынов. Собрались и поехали куда-то на окраину, в район лесоторговых складов.

Грязная, кривая улица, обшарпанные постройки с развалившимися оградами – явно депрессивный райончик. Здесь в основном проживают портовые грузчики, докеры, рыбаки и, конечно же, местная босота – куда ж без неё.

Нашли нужный адрес. Покосившийся домишко с дырявым частоколом, чахлый огород за ним. Небогато жил этот Мартынов, и к гадалке ходить без надобности.

На стук вышла худая, испуганная баба с двумя детьми. Оказалось – жена пропавшего. Кланялась, завела во двор, а в дом я сам идти не решился. Ещё раз взглянул на неё и догадался о причинах такой бледности и худобы.

– Как вас зовут, сударыня? – начал с вежливого знакомства, чем, похоже, ещё сильнее её встревожил.

– Евдокия... Евдокия Мартынова, господин. – всхлипнула она.

– И дела твои, Евдокия, совсем худы с той поры, как муж пропал? – В ответ она лишь молча закивала.

Я уже всё понял: кормилец сгинул, а в полиции хоть и завели дело, да что толку-то? Мужа нет, статуса вдовы тоже, поскольку время ещё не прошло – год или пять, не знаю, сколько по закону, чтобы признать пропавшего мёртвым. Вот и мается бедная: без денег, без мужа да с двумя спинोगрызами. Наверняка сама голодает, им последнее отдаёт.

Я покосился на тощих детей. Мальчишки погодки, с не по-детски взрослыми глазами, опрятные, в чистой, но ветхой одежде со следами ремонта. У одного на ногах имелась страшно поношенная обувка, а второй – вовсе босиком.

Украдкой взглянул на Киру, у той в глазах чуть не слёзы – тоже всё поняла.

– Вот тебе три рубля, – протянул ассигнацию вконец перепугавшейся женщине, – купи еды себе и детям. Нас не бойся – не обидим, даже поможем. От тебя самая малость требуется: правду рассказать. Ответишь на все вопросы без утайки – эта барышня ещё денег даст.

Та с ужасом переводила взгляд то на меня, то на деньги – наверняка знает нечто, о чём не хочет говорить, но, видимо, нужда пересилила страх.

Трясущейся рукой нерешительно взяла банкноту и кивнула. Затем попыталась поцеловать мне руку, но я оказался проворней и убрал её за спину: – Нет-нет, сударыня, это лишнее. Лучше расскажи нам обо всём как можно подробнее. И она рассказала...

Муж её был матросом на рыболовной шхуне. Судно их стало на долгий ремонт, и Софрон подумывал, где бы подзаработать. В местной пивной его приятель познакомил с каким-то Панкратом. Тот ходит на краболове, старшим палубной команды. Он ему и предложил дело...

– Тоже на судно, крабов ловить? – ожидал я очевидный ответ, но просчитался.

– Нет, тот сказал, что в команду только проверенных людей принимают, туда с улицы не попасть. Взяли его в цех, на разделку Демонического краба – сперва мол, надо там потрудиться, показать себя.

– А что в ней такого? Тупая же работа: режь на части, потроха выкидывай да в ящики пакуй.

– То-то и оно, господин, непростая та работа... Ему наказали про это никому не рассказывать, даже супруге, ну мне значит. Но я-то его насквозь вижу, и то три дня пытала-выспрашивала, пока признался! – Она впервые чуть заметно улыбнулась.

– Что же там за тайна? – начал раскручивать спираль беседы.

– В крабах этих особая железа есть, видать, шибко ценная, и взять её непросто. Пока твари живые, нужно инструментом специальным её достать. Муж говорил, на шприц похоже, какой у докторов бывает, но много больше. И потом сразу льдом обкладывают и куда-то уносят. А дальше уж всё как с обычными крабами – разделка, упаковка и по точкам развозят.

Я в замешательстве глянул на Киру: что ещё за новости? Она тоже смотрела удивлённо, ничего подобного не слышала.

– И это в строгом секрете держат? – женщина кивнула. – А дальше, что было?

– Он как-то пришёл вечером сам не свой. Я давай его расспрашивать, ну он и признался...

– Евдокия понизила голос до шёпота, – сказал, что внутри у одного краба, человеческий палец нашёл! Отрезанный или отрубленный. Перепугался, потом стал специально в потрохах смотреть и понял: крабов-то этих на человеческое мясо ловят! Ещё сказал, вроде бы старший смены

это заметил и теперь страшно ему. И больше он на ту работу не пойдёт. А через два дня с утра собрался в док сходить, посмотреть, как их старую шхуну ремонтируют...

Тут Евдокия снова заплакала и сказала: – Так он больше домой не пришёл...

– Не торопитесь, возможно, он вернётся... – начал её успокаивать, хотя абсолютно уверен, что несчастный мужик стал наживкой.

Та покачала головой: – Детей жалко, не подниму я их одна...

Я задумался, что делать? Стало так жалко эту несчастную женщину, но совершенно не представляю, как ей помочь. И вдруг в разговор влезла Кира:

– Евдокия, есть, с кем детей днём оставлять? Сестра или соседка за небольшую копеечку присмотрят, или за кормёжку?

– Сестра младшая может... – сразу оживилась женщина, – и у соседей дети постарше есть, было бы чем отплатить...

– Картулинские продуктовые склады знаешь? Слева от причалов, в промзоне? – Кира вынула из ридикюля блокнот и ручку, быстро что-то написала и вручила листок ей. – Найдёшь Прохора Семёновича, он там управляющий. Отдашь ему записку, пристроит тебя куда-нибудь. Жалование, конечно, небольшое, но я написала, чтоб не обижал. Ещё и отбраковку пусть разрешит брать – капуста, картошка там чуть подгнившая. В общем, с голоду не пропадёте, а хорошо себя покажешь, то и на повышение пойдёшь. Ты грамотная? Сможешь в учётчицы выбиться, а там и с деньгами получше, и почёт.

– Да! Читать-писать умею и считаю хорошо. – Женщина явно обрадовалась, глаза прямо засветились. – Спасибо, добрые господа! Видать, Бог мне вас послал!

Я просто оторопел от того, с какой лёгкостью моя подруга решила огромную проблему для этой женщины. И вдруг вспомнил ещё кое-что.

– Евдокия, скажи: ты знаешь, где находится тот цех, в котором твой муж работал? – та отрицательно помотала головой.

– Говорил, где-то в промзоне, но даже не сказал, в какой, у нас ведь их две...

– Ну да, «Западная» и «Восточная». А может, ещё что-то вспомнишь, зацепочку какую-нибудь? – Но та лишь пожала плечами.

Тут вопрос снова задала Кира: – А что за приятель, который его с этим... как его? Панкратом познакомил?

– Так это Сенька Пряхкин, давний знакомец мужа. – лентяй и выпивоха, а дружки, сплошь каторжники. Сто раз Софрону говорила, чтоб не являлся с ним, вот и втравил его в беду... – Евдокия немного подумала и продолжила: – что-то давно этого малахольного не видать, то всё мимо окон слонялся, а вот теперь, как пропал.

– И этот пропал... – Кира многозначительно посмотрела на меня и продолжила: – А Панкрата этого тоже не видела?

– Один разок видела, – призналась та: – Сенька за мужем явился, с собой на улицу позвал. Сказал, с ним там Панкрат пришёл, насчёт работы говорить хочет. Софрон собрался и пошёл, а я в окошко тихонько подсмотрела. Там их детина здоровый дожидался – рыжий, лохматый, борода торчком. Страшный, как чёрт.

У меня в голове сразу всплыл тот самый детина, с топором на корме судна.

«Значит, рыжий «мясник» – это Панкрат. Хорошо, одного уже опознать сможем!»

Судя по округлившимся глазам моей подруги, она пришла к тем же выводам.